

ИСТОРИЯ

Э.В.КОСТЯЕВ

МАНИФЕСТ ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА «К НАРОДАМ ВСЕГО МИРА» ОТ 14 МАРТА 1917 года – ПЕРВЫЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ «РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБОРОНЧЕСТВА»

В статье содержится детальный анализ манифеста Петроградского Совета «К народам всего мира» от 14 марта 1917 года. В нём были впервые сформулированы основы советской внешней политики в виде идеологии «революционного оборончества», которая господствовала в умах лидеров Петроградского Совета и меньшевистской партии с марта до октября 1917 года.

In the article there is the detail analysis of the manifest of Petrograd Soviet «To the people of all world» from March, 14th, 1917 contains. In it bases of the Soviet foreign policy in the form of ideology for the first time have been formulated «revolutionary defensism» which dominated over minds of leaders Petrograd Soviet and Menshevist party since March till October, 1917.

Ключевые слова: российская социал-демократия, Петроградский Совет, Февральская революция, «революционное оборончество», Суханов.

Key words: Russian Social democracy, Petrograd Soviet, February revolution, «revolutionary defensism», Sukhanov.

В марте–октябре 1917 г. господствовавшей советской идеологией было «революционное оборончество», признававшее необходимость участия российского пролетариата в защите от внешнего врага сбросившей цепи самодержавия страны.

Первым его официальным документом стал манифест Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (Петросовета) «К народам всего мира» от 14 марта 1917 г. Составил этот «революционно-оборонческий» документ находившийся тогда вне фракций «антиоборонец» Николай Суханов (Гиммер) (1882–1940).

Трудности, с которыми Суханов столкнулся при его разработке, он представлял так: «Тут было две Сциллы и две Харибды. Во-первых, надо было... соблюсти "Циммервальд" и... избежать всякого "оборончества"; с другой же стороны, надо было "подойти к солдату", мыслящему о немце по-старому, и надо было парализовать всякую игру на "открытии фронта" Советом...

Во-вторых, Сцилла и Харибда были в самых условиях прохождения манифеста через Исполнительный Комитет: правые тянули к прямому и откровенному оборончеству, социал-патриотизму... Левые, напротив, как огня боялись шовинизма... Сделать приемлемым манифест для того и другого крыла было задачей если и осуществимой, то довольно головоломной. Приходилось... рассматривать под микроскопом каждую запятую...». Именно этим, утверждал он, «объясняется, а, пожалуй, и оправдывается слабость этого важного документа революции» [1, с. 234–235].

Его основные положения в глазах Суханова состояли в следующем: «Тезис первый: "российская демократия заявляет, что она будет... противодействовать империалистской политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира".

Тезис второй: "Мы будем стойко защищать нашу свободу от всяких реакционных посяга-

тельств как изнутри, так и извне"».

Первый тезис, пояснял он, представлял собой «всенародное... обязательство русской революции вести классовую борьбу с империализмом вообще и со своим отечественным империализмом в особенности», «призыв от имени революции к народам Европы стать на ту же, циммервальдскую, позицию».

Второй же тезис – это «программа обороны революции» и «обязательство демократии дать надлежащий вооружённый отпор завоевателю и насильнику».

От этих двух источников шли две основные необходимые линии внешней политики Совета, как понимал её Суханов – «внутренняя борьба против буржуазии, борьба за мир в тылу, и вооружённый отпор иноземному империализму на фронте» [1, с. 237, 254–255].

Комментируя содержание манифеста на заседании принявшего его 14 марта Петросовета, его председатель меньшевик Н.Чхеидзе сказал: «Когда мы обращаемся к германскому и австрийскому народу, то... мы говорим, что хотим начать мирные переговоры. Но для этого... убейте Вильгельма. У нас есть победоносная революция, и мы с оружием в руках будем бороться за неё...» [1, с. 268].

По мнению Суханова, комментарии Чхеидзе «не имели ничего общего с самим манифестом»: «Ни о каких предварительных условиях для... внутренней борьбы за мир, – поправлял он Чхеидзе, – в манифесте... не могло быть речи. О таких условиях, как предварительная революция в Германии, – тем более» [1, с. 268–269].

Однако в речи, произнесённой 9 июня 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов, лидер большевиков В.Ленин подверг воззвание «К народам всего мира» резкой критике.

Некоторые положения его речи наводят на мысль, что либо он просто не понял суть документа, либо сознательно искажал его содержание. Упрекая авторов манифеста в том, что, призывая австро-германских пролетариев отказаться служить орудием захвата и насилия в руках их помещиков и банкиров, Суханов и К° не делали того же относительно своих доморощенных банкиров и помещиков [2, с. 278], Ленин искажал содержание документа, в котором было написано: «В сознании своей революци-

онной силы российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов...» [1, с. 268].

Когда Ленин говорил, что если российские рабочие и крестьяне обращались к собратьям в Австро-Венгрии и Германии с призывом не быть орудием в руках их банкиров, а собственных банкиров при этом пускали во Временное правительство и сажали их рядом с социалистическими министрами, и тем самым трудящиеся России превращали свои воззвания в ничто [2, с. 280–281], то он забывал, что никакой связи между содержанием манифеста «К народам всего мира» и вступлением социалистов в мае 1917 г. во Временное правительство и нахождением их там вместе с помещиком и банкиром Терещенко не существовало.

После того, как это вступление социалистов случилось, революция попала, по выражению Суханова, «в лапы Милюковых и Рябушинских». Но случилось это вовсе не благодаря манифесту «К народам всего мира», как это можно было бы понять из речи Ленина, а как раз вопреки ему: «Это было именно потому, – писал Суханов, – что двуединая линия была нарушена, что одна линия – обороны – была выкинута далеко вперед, а другая – линия борьбы за мир – была ликвидирована без остатка» [1, с. 255].

А.А.Корников пишет, что манифест «К народам всего мира» являлся «достаточно противоречивым документом», который, с одной стороны, выражая миролюбивые настроения революционных сил, призывал все страны мира покончить с войной, а с другой – обращался к гражданам России с лозунгом защиты от посягательства захватчиков [3, с. 63].

С нашей точки зрения, противоречия здесь нет, ибо содержание манифеста носило классовый характер, и он выдвигал не абстрактный призыв ко «всем странам мира» покончить с войной, к абстрактным «гражданам России», обращаясь при этом с лозунгом защиты от посягательства неких абстрактных «захватчиков», а призывал конкретно «пролетариев и трудящихся всех стран», в том числе российских, вести борьбу и внутри России, и в других воевавших государствах ради победы над мировым империализмом и сторонниками ведения захватной политики.

Первый тезис манифеста, в котором «российская демократия» заявляла, что будет противодействовать «захватной политике своих господствующих классов», являлся данным перед всем миром обязательством революции вести классовую борьбу с империализмом вообще и со своим отечественным империализмом в особенности.

Не противоречил этому тезису и второй, в котором говорилось о решимости российских рабочих и солдат защищать с оружием в руках свою свободу, т.е. этот тезис являлся программой обороны революции от реакционных посягательств со стороны, в том числе, иноземного империализма.

Таким образом, в двух основных тезисах манифеста не содержалось противоречия и говорилось в них об одном и том же – о борьбе с отечественным и иностранным империализмом.

Обвинения в противоречивости справедливо отметал и Суханов, когда писал, что «здесь есть трудность массового усвоения и трудность объективного положения, но ни противоречия, ни утопии здесь нет». Нет потому, что обороне в документе придавался не общенародный, а классовый характер: «Это не защита страны, не оборона нации от ей подобной в союзе с враждебными классами, – пояснял он. – Это защита свободы, оборона революционных завоеваний от реакции, внутренней и внешней. ...Это защита постольку, поскольку она сохраняет значение классовой борьбы народов с их эксплуататорами».

Но для того, чтобы противоречия между тезисами манифеста не оказалось на деле, и чтобы политика Совета на практике являлась именно такой, какой её намечал манифест, обязательным, подчёркивал Суханов, было «одно обстоятельство: необходимо, чтобы две намеченные линии не расходились, чтобы они шли строго параллельно, чтобы одна ни на шаг не отставала от другой, чтобы они составляли единую, нераздельную линию Совета. Необходимо, чтобы внутренняя борьба... за мир со своей империалистской буржуазией сопутствовала каждому шагу, предпринимаемому в сфере военной борьбы с иноземным империализмом. Иначе противоречие неизбежно. Иначе... советская политика... попадает... в хищные лапы либо

русского и союзного, либо германского империализма» [1, с. 255].

Забегая вперёд, Суханов признавал, что впоследствии так и случилось, когда «великая революция попала сначала в лапы Милюковых и Рябушинских, а затем Гинденбургов и Кюльманов»: «Но правильные основы революционной политики, – справедливо замечал он, – не отвечают за то и не теряют в своей правильности оттого, что им... изменяют вершители судеб революции».

Два основных тезиса манифеста «К народам всего мира» вытекали «из циммервальдских принципов, с одной стороны, и из огромной победы демократии – с другой»: «Данная же редакция этих тезисов, – объяснял их автор, – слабая редакция, находилась в зависимости от "дипломатии": надо было сделать манифест приемлемым для несоизмеримых величин, надо было собрать за него... большинство, хотя бы в ущерб его ясности и определённости» [1, с. 255–256].

К объяснениям Суханова, касавшимся «трудности массового усвоения» содержания манифеста, на наш взгляд, стоит отнести более вдумчиво тем, кто усматривает в нём противоречия.

Меньшевики-«оборонцы» и члены ЦК Бунда Давид Заславский и Владимир Канторович также утверждали, что сложность пропитанной у руководителей Совета циммервальдскими мотивами «оборонческой» идеологии «была недоступна широким массам» [4, с. 114].

Говоря о сложности массового усвоения, Суханов мог иметь в виду, например, что в сознании масс с трудом укладывалась необходимость для достижения целей манифеста строжайшего соблюдения баланса между борьбой за мир и обороной. Значительно легче массы воспринимали что-то одно – либо только борьбу за скорейшее заключение мира и отвержение в связи с этим какого-либо участия в обороне, либо, напротив, сосредоточение усилий на обороне страны от внешней угрозы и придание в итоге борьбе за мир второстепенного значения.

Заславский и Канторович так представляли этот стереотип массового сознания: «Если воевать, то "до полной победы". Если же победы не нужно, то и воевать нечего» [4, с. 114].

Но и это говорит не о противоречивости документа, а лишь о недостаточно вдумчивом его восприятии со стороны трудящихся масс всего мира, к которым он был обращён.

Вынужденная необходимостью приспособления к обстоятельствам места и времени рождения манифеста слабость его редакции всё же не делала документ противоречивым. Внутренняя логика между двумя основными тезисами документа, заключающаяся в их общей направленности на борьбу трудящихся всех стран с империалистическими поползновениями господствующих классов участвовавших в войне государств, по нашему мнению, совершенно очевидна.

В ответ на воззвание Временного правительства 6 марта с «войной до победного конца» Петросовет ясно заявил, что «демократия открывает борьбу с империалистским курсом правительства, продолжающего политику царизма»: «Она открывает борьбу за мир, – писал Суханов, – против разбойничьих покушений не только Вильгельма, но и Милюкова с его союзниками, против такой политики, которая обязательства перед англо-французским империализмом ставит выше долга перед демократией, выше мира и братства народов» [1, с. 256].

В выступлении на Объединительном съезде РСДРП 22 августа 1917 г. меньшевик-бундовец Липец заявил, что манифест 14 марта прозвучал «как звук набата по всему миру» [5, с. 455].

Однако далеко не все разделяли таких радужных оценок международного значения документа. В частности, редактор газеты «Русская воля» Николай Гредескул отмечал, что после того, как германский рабочий, к которому был обращён манифест, не отозвался на него, а газета германских социал-демократов «Forwärts» («Вперёд») высказалась в поддержку монархии Гогенцоллернов, «не о чем больше и говорить» и лозунг «долой войну» «оказался... простым недоразумением» [3, с. 63].

Не согласны с такой оценкой были Заславский и Канторович, полагавшие, что «известного международного значения манифеста» отрицать нельзя, ибо он «впервые дал Западу формулу русского революционного оборончества и пустил в ход крылатые слова "без аннексий и контрибуций"» [4, с. 111].

Правда, последнее утверждение ошибочно, ибо слов «без аннексий и контрибуций» текст манифеста по недоразумению Суханова не содержал. Когда на заседании Петросовета 14 марта внефракционный социал-демократ Ю.Стеклов (Нахамкис) зачитал его и присутствовавшие стали вносить поправки, Суханову на необходимость включения в него формулы о мире без аннексий и контрибуций указал издатель журнала «Летопись» Александр Тихонов: «Я не знаю, – признавался Суханов, – почему этой формулы там не было, почему и я, и другие пока обошли её» [1, с. 267].

Если в манифесте её не оказалось, то в комментариях Чхеидзе эти слова всё-таки прозвучали: «До сих пор слова, которые раздавались из России, – говорил он, – могли ещё оставаться гласом вопиющего в пустыне, но слова русского народа, свободного народа гласом вопиющего в пустыне не могут остаться. Мир без всяких захватов, без аннексий, без контрибуций» [6, с. 328].

Таким образом, принятый 14 марта 1917 г. манифест Петросовета «К народам всего мира» стал первым официальным документом, сформулировавшим основы внешней политики революционной демократии России в виде господствовавшей в умах её представителей между Февралём и Октябрём 1917 года идеологии «революционного оборончества».

Литература:

1. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 1. Кн. 1–2. – М., 1991.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. пятое. Т. 32. – М., 1962.
3. Корников А.А. Судьба российского революционера: Н.Н.Суханов – человек, политик, мемуарист. – Иваново, 1995.
4. Заславский Д.О., Канторович В.А. Хроника Февральской революции. Т. 1. 1917 г. Февраль – май. – Пг., 1924.
5. Меньшевики в 1917 году. В 3 т. Под общ. ред. З.Галили, А.Ненарокова, Л.Хеймсона / Т. 2. Меньшевики в 1917 году: от июльских событий до корниловского мятежа. – М., 1995.
6. Тютюкин С.В. Меньшевизм: Страницы истории. – М., 2002.